

Профессор Персиков умер в Америке

Алексей ШАМИН *

Первая глава повести Булгакова «Роковые яйца» называется «Куррикулюм вите профессора Персикова». Эта самая биография — Curriculum vitae — изложена в ней столь сочно и ядовито, что любой выпускник биофака Московского университета, помнящий его старое здание на улице Герцена, совершенно непроизвольно начинает искать Персикова среди реально существовавших профессоров-биологов.

Подлинный интерес к этой теме возник у меня в 1965 г. Я, молодой кандидат наук, попал на Международный Конгресс по истории науки в Варшаве и стал свидетелем небольшого идеологического скандала. Крупный историк науки профессор Хойкас представил на конгресс доклад, в котором утверждал, что ученый при советской власти обречен. Его всегда подкарауливает трагическая судьба профессора Персикова — персонажа булгаковской повести «Роковые яйца». А всю историю профессора он представил как модель судеб настоящей науки при коммунистической власти.

Отповедь на этот «выпад» была комичной — пришлось объяснять, почему Булгаков у нас не печатается и почему, хотя его читал голландский профессор, о Персикове не слышал почти никто из многочисленной советской делегации.

Один критик еще в 1926 году написал: «У Булгакова чувствуется, что естественные науки не являются для него темными и непроходимыми дебрями». Действительно, научная фабула и научные детали и в «Роковых яйцах», и в «Собачьем сердце», и в менее известных пьесах — «Адам и Ева», «Багровый остров» — всегда достоверны.

С главным героем «Собачьего сердца» как будто все ясно: в профессоре Преображенском узнавали Николая Михайловича Покровского, известного акушера-гинеколога из московской клиники профессора Снегирева. (Об этом писал Владимир Лакшин.) Основная научная идея также достовер-

* Автор — доктор химических наук, профессор, руководитель отдела в Институте биоорганической химии имени Шемякина-Овчинникова.

но прослежена. Это метод пересадки половых желез с целью омоложения организма, разработанный австрийским физиологом Штейнахом в начале 20-х годов.

А была ли научная основа у открытий профессора Персикова? И был ли у профессора реальный прототип? Вспомним: Рок выводит гадов в совхозе, организованном для разведения кур, с помощью открытого Персиковым «красного луча», вызывающего фантастический рост всякой живности. После чего «необозримые полчища гадов двинулись на Москву, осадили ее и сожрали».

Опыты профессора Персикова с «красным лучом» очень соблазнительно связаны с открытием мутаций микробиологом и ботаником Георгием Адамовичем Надсоном, сделанным как раз в 1925 г. Здесь можно сотворить блестящую гипотезу. Надсон открыл мутации, но в 1939 г. был арестован и расстрелян. А в 1927 г. его открытие повторил американский биолог Герман Мёллер, который потом (1933 — 1937 гг.) приехал в Россию работать совместно с нашими генетиками. В 1946 г. Мёллер получил Нобелевскую премию за открытие мутационного процесса. Но в истории с булгаковской повестью все это выглядит неубедительно — она ведь писалась раньше этих открытий. Хотя по отношению к Надсону выглядит мрачным пророчеством и в модель вполне укладывается.

Булгаков безусловно знал и о другом биологе — Николае Константиновиче Кольцове, работавшем в Москве. У него он мог заимствовать и внешнее описание персиковских экспериментов, и место их проведения. Он вроде бы прямо указывает на Зоологический музей Московского университета как прототип института (само название и расположение — улица Герцена). Но музей есть музей, и экспериментальной работой там не занимались. А описание персиковской лаборатории гораздо ближе подходит Институту экспериментальной биологии, созданному Кольцовым в 1917 г.

Но главной загадкой остается сам прототип профессора. Хотя разгадка, оказывается, была «выложена» Булгаковым на самое видное место. Да и дополнительные свидетельства, пусть и маленькие, в тексте повести имеются. Ответ откроется в нечастом сочетании имени и отчества героя: Владимир Ипатьевич.

Вполне возможно, профессор Персиков — это всемирно известный химик, академик Владимир Ипатьев. (В доме его старшего брата в Екатеринбургe была рас-

стреляна царская семья.) Он родился и учился в Москве, но затем избрал карьеру химика и переехал в Санкт-Петербург. К революции он уже был профессором Михайловской Артиллерийской академии, генералом, руководителем Главного артиллерийского управления. Если мы обратимся к «Куррикулюм вите профессора Персикова», то напомним на то, что Булгаков знал об Ипатьеве, два — упомянутое сочетание «Владимир Ипатьевич» и возраст Ипатьева. Он указан точно: «Ему было 58 лет». Действительно, Ипатьев родился в 1867 г. и в момент завершения повести ему было 58 лет.

Дальше, правда, появляются несовпадения в деталях. Персиков — зоолог, Ипатьев — химик. Но все-таки в повести есть самое прямое указание на Ипатьева: «*Чрезвычайная комиссия по борьбе с курьей чумой переименовывалась в*

Владимир Николаевич ИПАТЬЕВ, 1928 г.

чрезвычайную комиссию по поднятию и возрождению куроводства в республике, пополнившись новой чрезвычайной тройкой в составе шестнадцати товарищей. Был основан «Доброкур», почетными товарищами председателя в который вошли Персиков и Португалов». Академик Ипатьев в 1924 г. стал инициатором создания «Доброхимиа» — Доброволь-

ного общества помощи развития химии и химической промышленности, которое потом преобразовалось в Авиахим, в 1927 г. — в Осоавиахим и было прямым, хотя и забытым, предком небезызвестного ДОСААФа. Кстати, забыт-то Доброхим был не случайно — его председателем был Троцкий, а «товарищами председателя», замами, Ипатьев и Фрунзе.

У Булгакова можно найти и пророческие сроки, касающиеся дальнейшей судьбы Ипатьева:

«В 1919 году у профессора отняли из 5 комнат 3. Тогда он заявил Марье Степановне (персиковской экономке. — А.Ш.):

— Если они не прекратят эти безобразия, я уеду за границу.

Нет сомнения, что если бы профессор осуществил этот план, ему легко удалось бы устроиться при кафедре зоологии в любом университете мира, ибо ученый он был совершенно первоклассный... Читал профессор на 4 языках, кроме русского, а по-французски и немецки говорил, как по-русски. Намерения своего относительно заграницы Персиков не выполнил, и 20-й год вышел еще хуже 19-го. Произошли события, и притом одно за другим. Большую Никитскую переименовали в улицу Герцена. Затем часы, врезанные в стену дома на углу Герцена и Моховой, остановились на 11 с 1/4, и, наконец,.. в террариях института... издохли 15 обыкновенных жаб и ис-

ключительнейший экземпляр жабы Суринамской... В смертях он целиком почему-то обвинил тогдашнего наркома просвещения».

Ипатьев с самого начала поверил лозунгам большевиков и многие иллюзии сохранил до смерти. Эта позиция привела его на пост начальника Научно-технического отдела ВСНХ и члена президиума последнего, он стал «главой нашей химической промышленности» (это уже слова Ленина), а по существу министром науки. В 1929 г. получил премию им. В.И. Ленина. Старший сын, Николай, не простил ему сотрудничества с большевиками. Он вступил в белую гвардию, оказался за границей и отказался подать руку отцу, как «прислужнику большевиков», когда тот приехал в Париж в научную командировку в 20-х годах.

А дальше была история постепенного прозрения, аресты друзей и учеников, бегство за границу в 1930 г., лишение звания действительного члена Академии наук СССР в 1936 г. (вместе с ним звания был лишен другой знаменитый русский ученый Алексей Чичибабин). И, наконец, работа в США, где Ипатьев прославился тем, что имел патентов больше, чем знаменитый Эдисон.

Умер он в 1952 г., оставаясь «русским патриотом». В 1951 г. пытался вернуться на родину и добился встречи с послом в США Громько. При этом он хотел передать России результаты всех своих исследований. Это позволило бы, например, прекратить сжигание нефтяных газов в факелах, что и было сделано в Соединенных Штатах.

В своих воспоминаниях Громько написал об Ипатьеве следующее: «Академик наук СССР и научная общественность нашей страны выразили законное возмущение действиями ученого, который имел все возможности для плодотворной деятельности на Родине», «ясно, что он погнался за «длинным долларом» и т.д.

В 1990 г. Ипатьев и Чичибабин уже посмертно были восстановлены в звании академиков и им было возвращено отобранное гражданство.

Безусловно, в образе Владимира Ипатьевича Персикова Булгаков использовал и черты других людей. Их надо искать, и, надеюсь, они найдутся. Уж очень живописны жесты профессора, подробности его жизни, его диалоги с журналистами... Шемящую тоску по высокому профессионализму вызывает его «странность», которая заключалась в том, что «когда говорил что-либо веско и уверенно, указательный палец правой руки превращал в крючок... А так как он говорил всегда уверенно, ибо эрудиция в его области у него была совершенно феноменальная, но крючок очень часто появлялся перед глазами собеседников... А вне своей области, то есть зоологии, эмбриологии, ботаники и географии, профессор Персиков почти ничего не говорил».